

ISSN 0132-4024
ISSN 0024-0342

ВЕСТНИК '97
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

серия 2

ИСТОРИЯ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

выпуск 2

Summary

Bunin's interest in Buddhism was not a passing phenomenon. His encounter with Buddhist culture and philosophy is certain to have been most momentous in his life and left deep traces upon his work.

¹ «Николай Гумилев был, пожалуй, единственным русским поэтом начала XX в., который постоянно обращался к ориентальной теме. И не только экзотика, наверное, влекла его к „чужому небу“. Там, в неведомых таинственных странах, большой художник, постоянно искавший пути слияния культур Востока и Запада, обрел источник духовных сил». (Слободняк С. Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н. С. Гумилева // Н. Гумилев. Исследования и материалы. Биография. СПб., 1994. С. 181). М. Волошин был в Туркестане в 1900—1901 гг., что имело большое значение для его восприятия Востока. Воспоминания о Туркестане стали предметом размышлений поэта о роли Азии в истории человечества во втором стихотворении «Пустыня», написанном в 1919 г. «Художественный ориентализм Хлебникова — это не просто тема, предмет временного увлечения или продолжение „калмыцкого“ периода биографии поэта. Восток для Хлебникова — это один из древнейших очагов той самой мировой культуры, которая единственно способна, по его убеждению, спасти мир от уничтожения в величайших катаклизмах „вооруженных народов“» (Тартаковский П. И. Социально-эстетический опыт народов Востока и поэзия В. Хлебникова. 1900—1910-е годы. Ташкент, 1987. С. 11).

² Об этом см.: Сливницкая О. В. // Изв. Воронежск. гос. ин-та, 1971. № 114. С. 87—89.

³ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1966. С. 323 (все сноски на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы).

⁴ 1) Все без исключения живые существа рождаются, что является проявлением истины о страдании; 2) Живое существо, ставшее архатом, совершило все деяния по очищению себя от земной скверны, в чем проявляется истина о существовании конца страданий; 3) Все деяния человека, ставшего архатом, благородны — проявление истины о существовании пути освобождений от страданий; 4) Со смертью архата прекращается цепь его перерождений, что является проявлением истины о наличии причины страданий (Буддизм. Словарь. М., 1992. С. 271).

⁵ Показательной для тех, кто рассматривает это произведение как обличение империализма, является работа В. Афанасьева «Бунин И. А. Очерк творчества» (М., 1966. С. 208).

⁶ Сутта Нипата. Сборник бесед и поучений/Русск. пер. Н. И. Герасимова. М., 1899. С. 136.

⁷ Согласно легенде тетя Будды Махапаяти Готами была первой женщиной, которая утвердила строгие правила буддийского религиозного порядка.

⁸ В работе над очерком Бунин пользовался, в частности, книгой немецкого ученого К. Гюнтера «Цейлон» (Пг., 1914). Легенда о встрече царя Тиссы с Махиндой, сведения по истории Цейлона, многие собственные имена (Львиный остров, Виджая и т. п.), описания природы и достопримечательностей заимствованы из этой книги (5, 517).

⁹ Следующие фразы одинаковы в обоих отрывках «Истинно говорю тебе, что в эту ночь... трижды отречься от Меня» (От Матфея, 26: 34).

¹⁰ Ср.: «Решился я испытать разумом все, что делается под солнцем; но это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они мучили себя...» (5, 297); «И предал я сердце мое тому, чтоб исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем» (Экклесиаст, 1: 13).

¹¹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. М., 1995. С. 146—147.

Статья поступила в редакцию 16 октября 1996 г.

О. В. Васильева

Вестник СПбГУ. Сер. 2, 1997, вып. 2 (№ 9)

НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ЛИЧНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ (по материалам картотеки Псковского областного словаря)

Предикативами, равно как и предикативными наречиями, называют, как правило, безлично-предикативные слова. Объединяясь с глаголами — основным средством выражения предикативности — по функции в предложении, предикативы противопоставляются им по своим морфолого-синтаксическим свойствам. Однако существует це-

© О. В. Васильева, 1997

льный ряд неглагольных моделей, которые являются структурно двусоставными. Речь идет о таких (уже неоднократно описанных) предложениях русского языка, в которых субъект выражается традиционной формой именительного падежа имени существительного (местоимения), а предикат являет собой оценочную характеристику субъекта, оформленную наречием или предложно-падежным сочетанием.¹ Такие предикативы называются «личными», поскольку они употребляются в предложении личном, т. е. имеющем в своем составе грамматически выраженное подлежащее. Они могут обладать или не обладать специализацией. Специализированными предикативами, как нам представляется, следует считать такие слова и устойчивые словосочетания, которые характеризуют субъект исключительно на уровне предложения. При этом они входят в грамматическое ядро предложения или же, что случается не очень часто, но теоретически возможно для каждого из них, выступают в функции детерминанта.² В псковских говорах специализированные (спец.) предикативы встречаются регулярно: Я на сваяво саседа в *абыде*. Вл.; Мы в *разделе*, тольки кúшаем вмести́х. П.-Сок.; *Невдасаль* суп—та, на́да пасалить нимно́га. Стр. и др. Неспециализированные (неспец.) предикативы, исходя из их названия, отличаются от спец. тем, что могут характеризовать субъект как на уровне предложения, так и на уровне словосочетания. Это прежде всего наречия, употребленные предикативно: На сметка́ запáс т́янут *внатúк* (здесь *внатуге* — обстоятельство) — *Если* ветир папу́тний, па́рус *внатúк*. Гд. (здесь *внатуге* — сказуемое). Или: Он *оддалí* в́стрелил. Пл. — У мяня́ внучо́к аддалí. Дн.

Рассмотрим последовательно бытующие в псковских говорах неспец. личные предикативы, сначала — бесспорные, а затем — некоторые переходные образования.

Типичные примеры неспец. предикативов: Краса́ тольки да ма́сляницы, а ум *набек*. Гд.; Быва́ла набыю́ща в адну́ йзбу, на́рот *фпакáт*, и ен чítáет фсею́ ночь Библию. Пск.; Я была́ *напярэду́*, то́лько и сматрэла, што́ на ма́нашэк. Гд. На то, что предикатив не является спец., указывает употребление того же наречия в обстоятельной функции: Саберу́ца в йзбу, с́ядет на́рот *фпакáт* и слуша́ет. Пск. Однако встает вопрос о лексической полнзначности глагола, к которому относится наречие. Так, в паре Биспа́рýдак у нйе́ ф ко́мнати, фсе *га́музам*. Гд. и У невó фсе идет га́музом. Гд. отмечается структурное и семантическое соответствие, которое указывает на то, что глагол *идти* в какой-то мере десемантизируется и может опускаться. (Характерно, что он не может здесь быть заменен никаким другим, как и в аналогичных фразеологических оборотах *голова идет кругом*, *все идет прахом* и под.) Об отсутствии же специализации у предикатива *гамузом* однозначно говорит его свободное употребление с другими глаголами: Ко́мом срабта́еш, *га́музом* тут спúтаешся и ни разбярéш. Гд. Точно так же в паре Кры́жа враска́рякушку́ пакры́та. Пск. и Скаме́йка *враска́рякушку́*. Пск. во втором примере признак становится самодостаточным и уже характеризует не действие, но сам предмет, т. е. поднимается до предиката.

Закономерно возникает вопрос о причинах и условиях такого синтаксического перехода (от уровня словосочетания к уровню предложения). В последнее время проблема транспозиции в разных своих аспектах достаточно часто привлекает внимание исследователей.³ Отмечается, что «атрибутивные отношения вообще легче других образуются в предикативные в силу близости их семантики».⁴ В нашем случае изменение позиции наречия в предложении также имеет семантическое обоснование: как обычное наречие, так и предикативное выполняют характеризующую (в широком смысле) функцию: Вáльшняпы́ вáлам лятя́, та́лька бйть поспява́й. Дн. и Ни тра́хтару, ни́камú ня в́ехать: вадá *вáлам*. Печ.

При анализе псковского материала выявилось немало переходных случаев. Очевидно, что переходность, некоторая неопределенность статуса рассматриваемой синтаксемы (термин Г. А. Золотовой⁵) может касаться либо первого (неспециализированный), либо второго (личный) атрибута в ее названии.

Как уже отмечалось, первое осложнение возникает при отсутствии примеров с непредикативно употребленным наречием. Говорит ли это о специализации предикатива или только о неполноте собранного материала? Рассмотрим пример: Хоть *наперекрест* дарóги (им. п. мн.), фсе́ рбстаня́. Кр. Значение предикатива — (располагаться) *наперекрест-накрест*. Слово характеризует взаимное расположение двух предметов, а его семантика такова, что глагол нахождения, пребывания не является необходимым. Однако возможность существования глагольных предложений с наречием-обстоятельством *наперекрест* не противоречит законам языка. Можно предположить, что предикатив в данном диалектном примере не является спец. в отличие от таких предикативов, как *вправах* (быть вправо), *вснос* (быть под силу) и т. п., которые употребляются лишь со связочными глаголами и ни с какими другими.

Однако следует иметь в виду, что некоторые лексико-семантические группы спец. предикативов формируют сказуемое не только со связкой бытия, которая служит для временной конкретизации, но и с ползуменательными глаголами. В последнем случае степень специализации непосредственно связана с лексической наполненностью связочного глагола. Так, в предложении «Сын в *аделе* живёт». Вл. глагол *жить* обладает ослабленным лексическим значением и тем самым приближается к связочному глаголу бытия, пребывания где-и. или в каком-и. качестве, а предложно-падежное сочетание *в аделе* поднимается до предикативного ядра предложения и, более того, становится спец. предикативом. Заметим, что глаголы покоя и движения вообще

склонны к ослаблению своего лексического значения. Не случайно исследователями отмечается, что «взаимодействие грамматической структуры и семантики предложений является одной из актуальных проблем современной лингвистики».⁶

Вторая группа примеров с неопределенным статусом состоит из переходных конструкций (от личных к безличным), а их предикативы считаются гибридами. Это явление русского языка было подробно описано В. В. Бабайцевой.⁷ Так называемые гибриды на стадии перехода от кратких прилагательных к безлично-предикативным словам в какой-то степени сближаются с полноценными личными предикативами (разумеется, только пока конструкция содержит подлежащее и воспринимается как двусоставная). Вот как характеризует В. В. Бабайцева главные структурные компоненты таких предложений: «В конструкциях с подлежащими-местоимениями (все, это, оно) сказуемое на -о совмещает лексико-грамматические признаки краткого прилагательного и безлично-предикативного слова. Местоимения не являются обобщенными указаниями на предметы, они выполняют формально-конструктивную роль подлежащего, совмещая эту функцию с функциями формальных слов-частиц».⁸ Переходные образования могут тяготеть как к личным, так и к безличным конструкциям, а некоторые из них могут быть даже двояко истолкованы, например: *Феё іначе, кáждый день смéнная пагóда. Пуст. и Ф поле дарóги не вíдна, феё фцел.* Пск. Здесь *всё* может восприниматься как подлежащее — обобщающее слово, а предикатив — как личный неспец. или же *всё* означает 'всё время, постоянно', а предикатив, таким образом, является безличным.

Однако, как показывают наблюдения, большая часть псковских примеров данной структуры тяготеет к двусоставным предложениям. Некоторые предложения с подлежащим *всё* совсем не допускают его «потери».⁹ т. е. оно ни в коем случае не является формальным: *У нево крута феё.* Порх.: *А рáньше и феё так.* Оп. Отрицание при местоимении *всё* увеличивает его смысловую нагрузку: *А тут калхóзникаф падбírади, штоб ня феё углáсна бýла.* Пуст. Но есть целый ряд факторов, которые, наоборот, ее умншают. Это: 1) повторение предикатива — *Патóm феё стáла плóща, плóща. Остр.* (безусловно односоставными будут предложения типа **Потом стало плóще, плóще, или *Потом стало все плóще и плóще*); 2) использование в конструкции наречия с неопределенным значением — *Фспоминáем, фспоминáем сидím, а феё как-то склáдно бýло, мíрно, ф прéжнее время.* Дн. (ср.: *Нáда, штоп феё склáдна бýла: где ш взять склáдна, пишы фсякую ерундú.* Оп.; предложение больше тяготеет к личным, чем к безличным конструкциям); 3) постановка при слове *всё* усиительно-выделительной частицы *то* — *Фсё-та у вас, гарадскíх, навéвот.* Печ. (ср.: *Там усё наперевáрот. Вл. или Фсё навéвот бýло.* Гд.).

Предложения с местоимением *это* (самым универсальным заместителем) также в разной степени тяготеют к личным или безличным. В тех примерах, где *это* является свернутым указанием на какую-либо ситуацию, оно выступает в роли полноценного подлежащего: *эта мудрéна, эта кто знáйт, а мáла кто знáйт, мы фси маладéш.* Печ.; *Ну што жé дéлать, эта не фчастуó.* Стр. Наличие местоимения *это* необходимо и в тех случаях, когда оно замещает одно слово; Это обязательно на каком-то стóгú, оммéчины. Гд. Данные конструкции относятся к личным, но встречаются и переходные: *Да чавó эта нишóтна феё людéй прасíть карóву загнáть.* Стр. или *Вáся такой слáбый. Евó лáют, а мне эта тязáлó.* Вл. В таких примерах подлежащее уже воспринимается как формальное, и оно может быть опущено.

Рассмотрев личные предикативы в общем плане и переходные случаи, вернемся к неспец. личным предикативам как языковому явлению. Само их существование еще раз подтверждает действие так называемого «закона языковой экономии». Наречие, употребляемое, как правило, при глаголе, вытесняет его из предложения, занимая его место. Это становится возможным благодаря тому, что наборы сем в лексических значениях наречия и глагола совпадают в какой-либо части. В результате спускается именно глагол как информативно менее значимый, поскольку его функция (обозначение действия) в определенной степени дублируется наречием, которое призвано характеризовать это же действие.

Что касается соотношения в системе языка спец. и неспец. предикативов, то его можно рассмотреть на примере двух сходных между собой предложений: *У мянйá вñучóк оддалí.* Дн. и *Сыны у ево в оддéли, кáждый сибé хазяин.* Гд. Разница между ними определяется опять-таки семантикой предикатива. Спец. предикатив *в одделе* однозначен: (жить) своим хозяйством (как правило, о члене семьи), поэтому все возможные подлежащие при нем входят в одну тематическую группу и отношение субъект — предикат также неизменно. А неспец. предикатив *отдали* не имеет такой определенности в значении, он просто указывает на большое расстояние от одного объекта до другого, поэтому он и не может стать спец. предикативом. Предикативное употребление для этого наречия является факультативным, чаще все-таки требуется назвать действие, совершаемое в отдалении (Он оддалí вñстрелил. Пл.). Вывод, сделанный из сопоставления двух примеров, справедлив по отношению ко всем спец. и неспец. предикативам: в том случае, когда характеризующее слово по своей семантике узко определено и самодостаточно, оно может вытеснить глагол из предложения и занять его место, т. е. стать спец. предикативом. Во всех иных случаях специализация невозможна.

Summary

The article is devoted to an all-Russian phenomenon — the unspecialized personal predicatives as reflected in the North-West dialects: how and why they arose, their difference from specialized Predicatives, and the role of semantics in the syntax of predicative constructions.

¹ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Валькова А. И. Предикативные наречия в современном русском языке. Саратов, 1961; Кан Ю. Н. Предикативное употребление предложно-падежных сочетаний в современном русском языке. М., 1965.

² Этой проблеме посвящена ст. В. И. Трубинского «О функциональной корреляции предикатива и детерминанта» (Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 4. Семантика и коммуникация / Под ред. проф. Л. В. Сахарного. СПбГУ, 1996. С. 62—67), в которой приводятся соответствующие примеры. Один из них: *Замужем* она чувствовала себя недурно (*замужем* — спец. предикатив в роли детерминирующего обстоятельства).

³ См., напр.: Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990; Баудер А. Я. К лингвистической интерпретации явлений переходности в грамматическом строе русского языка // НДВШ ФН. 1980. № 5. С. 79—83; Калечиц Е. П. Переходные явления в области частей речи. Свердловск, 1977; Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент, 1978.

⁴ Акимова Г. Н. Развитие синтаксических конструкций в современном русском литературном языке // Динамика структуры современного русского языка. Л., 1982. С. 108.

⁵ Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

⁶ Берляева Т. Н. Грамматическая структура и семантика предложений с инфинитивом и предикатом. М., 1982. С. 3; см. также: Арват Н. Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. Киев, 1984; Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, и др.

⁷ Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений. Воронеж, 1967.

⁸ Бабайцева В. В. Предложения с безлично-предикативными словами в современном русском языке (без инфинитива). М., 1959. С. 9.

⁹ Грамматическое значение подлежащего *всё* изменяется от обобщенного слова через слово с отвлеченно-обобщенным значением к грамматическому подлежащему, которое может свободно опускаться (Бабайцева В. В. Предложения с местоимением *все* и сказуемым — словом на -о // Учен. Зап. Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Нальчик, 1958. Вып. 4. С. 351—365.

Статья поступила в редакцию 16 октября 1996 г.

Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1997, вып. 2 (№ 9)

Е. Л. Кушниренко

БИНАРНАЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Категория модальности, одна из частных проблем которой рассматривается в данной статье, представляет особую сложность для исследования вследствие ее содержательной нечеткости.

Неоднозначность понимания сущности модальности и особенно модальных значений в работах отечественных и зарубежных лингвистов отражена в многочисленных классификациях видов модальности и модальных значений.

В современной лингвистике достаточно широко признанным является деление модальности на субъективную и объективную.¹ Однако Дж. Лайонз, Ф. Р. Палмер и некоторые другие лингвисты отводят субъективности особое место в категории модальности. Модальность в их понимании может быть определена как выражение субъективных отношений и мнений говорящего.²

Действительно, объективное и субъективное в языке часто представляется сложноразличимым. Кроме того, именно говорящий субъект устанавливает отношения высказывания к действительности даже в тех случаях, когда его позиция не выража

© Е. Л. Кушниренко, 1997